

Позвольте
подыграть,
принцесса!

Ксана Вильневски

Позвольте подыграть, принцесса

<https://litres.ru/73988328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Та самая история, вдохновленная автором анимаций про шута и принцессу

Жизнь Алисии расписана до секунды, чувства подчинены долгу, а впереди ждет неизбежный политический брак с вельможей. Но появляется он — пугающе харизматичный наглец, чей острый язык плюет на этикет, а взгляд обещает погибель. Он единственный, кто видит под маской величественной принцессы живую, запертую в клетке девушку. То, что начинается как взаимная ненависть и опасные словесные дуэли, быстро перерастает в запретную игру. Ночные побеги из удушающих стен замка в тайное убежище, минуты свободы на двоих и страсть, которая может разрушить всё. По законам королевства — это безумие, которое грозит обернуться катастрофой.

Это умопомрачительно интимное, хрупкое притяжение, от которого сладко щемит в груди. Безмолвный диалог глаз, когда вокруг шумят светские приемы, и тихая, изнуряющая ревность, от которой хочется плакать. Каждая их встреча наедине как

прогулка по лезвию ножа, где один неверный вздох может разрушить все.

Содержание

Глава 1. Ледяной чертог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Позвольте подыграть, принцесса

Глава 1. Ледяной чертог

Шёлк всегда казался ей холодным. Не тем освежающим холодом, что приносит ночной майский ветер, прорывающийся сквозь тяжёлые бархатные портьеры, а мёртвым, скользким, напоминающим погребальный саван. Каждое утро принцессы Алисии де Валуа начиналось одинаково — со звука раздвигаемых колец на гардинах. Этот сухой, металлический скрежет в её сознании давно заменил утреннее пение птиц. Контуры огромной опочивальни проступали из предрассветных сумерек медленно, словно проявлялись на старом, покрытом олифой холсте: высокие готические своды, лепнина в виде застывших виноградных лоз, безмолвные силуэты каменных горгулий на каминной полке, которые, казалось, охраняли не её покой, а её заточение.

— Ваше Высочество, пора, — тихий, почти бесплотный голос камеристки раздался над самым ухом, едва нарушив мёртвую тишину комнаты.

Алисия не вздрогнула. Она никогда не вздрагивала. Её тело, приученное к идеальной неподвижности с раннего дет-

ства, отреагировало послушно, как отлаженный часовой механизм: веки поднялись, являя миру абсолютно спокойный, чистый взгляд серых глаз. В них не было сонной дымки, не было человеческой неохоты или желания полежать ещё хотя бы минуту. Куклы не испытывают слабости перед рассветом. Они просто возвращаются к выполнению своих функций.

Служанки — три безликие тени в одинаковых серых платьях из грубой шерсти, чьи имена Алисия даже не пыталась запоминать, ибо они менялись каждые полгода по приказу начальника тайной канцелярии для безопасности короны — действовали со сноровкой палачей или гробовщиков. Ни одного лишнего движения. Ни одного громкого вздоха. Во дворце Валуа громкие звуки считались признаком дурного тона, граничащего с государственной изменой. Каждый шорох регламентировался придворным этикетом, написанным за триста лет до её рождения.

Сначала — омовение. Вода в огромной серебряной логане, украшенной чеканкой в виде сцен королевской охоты, была едва тёплой, сдобренной парой капель лавандового масла. Не для удовольствия принцессы, а исключительно для того, чтобы прогнать излишнюю бледность с кожи и придать ей благородный вид. Алисия стояла неподвижно на специальном тканевом коврикe, пока влажная, накрахмаленная ткань касалась её плеч, ключиц, длинных тонких пальцев. Она смотрела прямо перед собой, на гладкую стену, обитую тёмно-зелёным гобеленом, где безымянный мастер соткал

столетнюю битву, и мысленно перебирала расписание на сегодняшний бесконечный день.

Час на утренний туалет. Полчаса на молитву в малой капелле восточного крыла. Два часа на скучнейший приём послов Мальтийского ордена, которые снова будут просить снижения пошлин на торговлю сукном. Затем — обед с отцом, королём Филиппом, где каждый кусок перепела будет разжёван под аккомпанемент унылых отчётов о налогах на соль и зерно. И, наконец, вечерний большой приём в тронном зале, устроенный в честь приезда какого-то важного иностранного гостя, чьё имя её не особо интересовало. очередной лорд, очередной аристократ, перед которым нужно будет явить безупречный лик правящей династии.

Долг. Это слово было выжжено на её подкорке. У принцесс крови нет права на слабость, нет права на личные желания, нет сердца. Есть лишь династический интерес и фамилия де Валуа, которую нужно нести как тяжёлое, инкрустированное бриллиантами знамя.

— Корсет, Ваше Высочество, — выдохнула старшая камеристка, держа в руках жесткую конструкцию из китового уса, обтянутую плотной парчой.

Алисия послушно подняла руки вверх, позволяя служанкам окружить себя. Две девушки взяли за шёлковые шнуры за её спиной. Это был её ежедневный крест, её личная маленькая пытка. Скрипнула тугая ткань, узлы натянулись, и лёгкие принцессы сжались, выталкивая остатки воздуха.

Корсет сдавливал рёбра так безжалостно, что дышать можно было только самой верхней частью груди — короткими, едва заметными со стороны вдохами. Спина тут же приняла струнную, неестественно прямую осанку. Гордая, величественная, недостижимая для простых смертных. Никто из подданных не должен был догадаться, что эта божественная грация — лишь результат работы двух крепких баб, упирающихся коленями в спину своей госпожи ради идеального силуэта.

Затем пришёл черёд платья. Сегодня, для вечернего приёма, начальник туалета выбрал нежно-розовое, почти зефирное одеяние, сложно расшитое тончайшим белым шёлком и речным жемчугом по подолу. Оно выглядело обманчиво лёгким, воздушным, словно утренний туман над замковым рвом, но на деле весило не меньше десяти фунтов из-за тяжёлых нижних юбок и плотного каркаса. Широкая юбка спадала к полу тяжёлыми, негнущимися складками. Вырез на груди, отделанный изящным брюггским кружевом, открывал безупречную линию шеи и фарфоровую кожу, но при этом оставался строго в рамках дозволенного приличия, не позволяя лишнего. Розовый цвет должен был символизировать её юность, покорность воле отца и чистоту. Символика во дворце Валуа ценилась выше, чем реальные человеческие чувства.

Камеристка бережно распустила её волосы. Огненно-рыжие, густые, они крупными, тяжёлыми волнами рассыпались

по спине и плечам, доходя почти до поясницы. Это было единственное, что в облике Алисии бунтовало против её собственной воли — их цвет напоминал неистовое, голодное пламя, совершенно не вязавшееся с её придворным титулом «Ледяной принцессы». Служанка принялась осторожно расчёсывать их костяным гребнем, прядь за прядью, нанося на кончики дорогое благовоние с ароматом горького мускуса.

— Добавьте макияж, — не оборачиваясь к зеркалу, тихо произнесла Алисия. Её собственный голос показался ей чужим, словно он принадлежал не ей, а шёл из глубокого заброшенного колодца. — Тот, что потемнее. Бордовый.

Камеристка на секунду замерла, её пальцы с гребнем заметно дрогнули. Бордовые тени и тёмные, драматичные губы обычно считались цветами зрелых интриганок или вдов, но перечить Ледяной принцессе, чей взгляд мог остановить сердце, не осмеливался никто во дворце.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Через пятнадцать минут из тяжёлого серебряного зеркала на Алисию смотрела совершенно чужая женщина. Молодая, с тонкими, идеальными чертами лица, но с пугающе глубоким, надломленным взглядом. Бордовая дымка вокруг глаз искусно подчёркивала их холодную серость, делая её взгляд почти осязаемым, а тёмные губы казались застывшими в безмолвном, величественном упреке всему миру. На её голову легла фамильная тиара — тонкий ободок из платины, усыпанный мелкими, сверкающими бриллиантами, который

привычно впился в кожу лживым благословением власти.

Кукла была готова. Её можно было нести на обозрение голодной до сплетен публике.

Тяжёлые дубовые двери опочивальни распахнулись с глухим, раскатистым стуком, который эхом разнёсся по бесконечным, сводчатым галереям восточного крыла замка. Стоило Алисии переступить порог своих покоев, как двое гвардейцев в начищенных до невероятного блеска кирасах синхронно вскинули алебарды, застывая в немом приветствии. Она не удостоила их даже мимолётным движением ресниц. Её туфли на небольшом, обтянутом кожей каблуке глухо постукивали по мраморным плитам пола, выложенным в строгом, раздражающем шахматном порядке. Белый, чёрный, белый, чёрный. Вся её жизнь была этой чёртовой доской, где каждый её шаг был просчитан на десять ходов вперёд стареющим королём, министрами и законами престолонаследия.

Воздух в бесконечных коридорах дворца Валуа казался застоявшимся, тяжёлым, пропитанным вековой пылью старых гобеленов, приторным запахом дорогого пчелиного воска и едва уловимым, удушливым ароматом увядающих лилий, которые слуги послушно меняли в огромных напольных вазах каждый вечер. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь узкие, высокие витражные окна, безжалостно резали глаза. В этих косых пыльных лучах лениво кружились микроскопические пылинки, и Алисии на мгновение показалось, что она сама — точно такая же серая пылинка, запер-

тая в замкнутом пространстве огромного, роскошного склепа.

Каждый её проход по галереям неизменно превращался в безмолвный, лицемерный парад. Встречные придворные — лорды в бархатных камзолах, чьи животы едва удерживали золочёные пояса, и спесивые дамы в умопомрачительно широких юбках — тут же торопливо расступались, буквально вжимаясь в стены, чтобы освободить дорогу королевской крови. Мужчины низко склоняли напудренные головы, женщины опускались в глубоких, шуршащих шёлком реверансах, едва не касаясь носами холодного мрамора. Алисия шла сквозь эту расступающуюся толпу, словно ледокол сквозь крошево замерзшего зимнего пруда. Она держала подбородок высоко, её холодный взгляд скользил далеко поверх их сложных причёсок и на помаженных лиц. Бордовый макияж, непривычно тёмный, резкий и хищный для её обычно сдержанного образа, создавал вокруг неё невидимую, осязаемую стену. Придворные тихо, завистливо шептались за её спиной, стоило ей пройти мимо, обсуждая эту новую, мрачную деталь её туалета, но в лицо ей улыбались всё теми же фальшивыми, заученными годами улыбками.

Малая капелла встретила её благословенным полумраком, прохладой и густым запахом дорогого ладана. Колени принцессы привычно опустились на жёсткую бархатную подушечку перед позолоченным алтарём. Текст утренней молитвы отскакивал от зубов сам собой, без малейшего участия

разума — она шептала нужные, правильные слова, глядя на старинное распятие, но её мысли были бесконечно далеки от бога. Она не просила спасения души. Она молилась лишь о том, чтобы этот бесконечный день закончился хотя бы на час быстрее. Чтобы удушающий корсет перестал резать рёбра, чтобы туфли не натирали пальцы, а тиара не давила на виски мертвенным грузом. Но впереди был главный кошмар, к которому её готовили всё утро — большой приём.

Тронный зал Валуа напоминал раскалённую печь, хотя официальная часть вечера только началась. Сотни восковых свечей в массивных, свисающих со сводов люстрах исходили невыносимым жаром и жёлтым воском, который то и дело с тихим шлепком капал на каменный пол, пачкая подола платьев. Воздух здесь был настолько плотным, тяжёлым от смеси дорогих мускусных духов, пота сотен тел и паров кислого вина, что его, казалось, можно было резать кухонным ножом. На возвышении, в массивном кресле с высокой резной спинкой, сидел её отец — король Филипп. Его некогда величественная, грозная фигура теперь обмякла, лицо обрюзгло и покрылось нездоровой краснотой, а глаза, подёрнутые мутной пеленой старости и болезней, безучастно блуждали по залу, едва фиксируя происходящее. Тяжёлая золотая корона слегка съехала чуть набок, придавая правителю почти жалкий вид, но никто из министров не смел нарушить этикет и сказать ему об этом.

Алисия заняла своё законное, привычное место на вто-

рой ступени помоста, чуть левее отцовского трона. Её нежно-розовое платье красивым, выверенным шлейфом легло на потемневшие от времени мраморные ступени, создавая для толпы идеальную иллюзию невинного, чистого облака у подножия дряхлеющей, угасающей власти. Она замерла, послушно превратившись в прекрасную статую. Потянулись долгие, невыносимые часы дипломатического театра. Сначала — бесконечные послы, которые монотонно кланялись, зачитывали приветственные свитки на ломаной латыни и подносили короне дорогие дары, которые тут же, без лишнего шума, утаскивали в кладовые королевские слуги. Алисия едва заметно, механически кивала в нужные, прописанные протоколом моменты, её лицо оставалось безупречной маской абсолютного безразличия. Ей было откровенно скучно, но этот парад чужого тщеславия казался вечным.

А затем душная толпа придворных вдруг зашевелилась, расступаясь в стороны с явным оживлением, и к королевскому трону направился новый гость. Герольд во весь голос объявил его титул, но Алисия прослушала начало, зафиксировав лишь звучное окончание: герцог Максимилиан Роуз.

Он шёл неторопливо, уверенно, чеканя каждый шаг по залу с лёгкой, едва заметной грацией человека, который прекрасно знает себе цену и привык повелевать. На вид ему было от силы года тридцать — неприлично молод для столь высокого титула, невероятно хорош собой, но эта красота была опасной, острой. Его камзол из тяжёлой чёрной парчи,

расшитый тонкими серебряными нитями в виде вьющихся стеблей роз, идеально сидел на крепкой фигуре, а на длинных пальцах левой руки поблёскивал один-единственный, но огромный перстень с тёмным рубином. Лицо Максимильяна, сухое, с резко очерченными скулами, тонкими губами и глубоко посаженными, пронзительными тёмными глазами, транслировало окружающим лишь холодное, высокомерное удовлетворение.

Герцог остановился у самого помоста, прямо перед Алисией, и склонил голову в безупречном, изящном поклоне, который, однако, выглядел скорее как дань вежливости, чем как истинное почтение перед чужой короной. После этого Максимильян Роуз поднялся на одну ступень вверх, сокращая расстояние между ними до nepозволительного минимума.

От него пахло дорогим импортным табаком, кожей и горьким миндалём. Герцог вежливо, но властно взял её руку для приветствия — его ладонь оказалась абсолютно сухой и ледяной, куда холоднее, чем её собственная замерзшая кожа. Он запечатлел на тыльной стороне её ладони поцелуй, который длился на какую-то долю секунды дольше, чем того строго требовал придворный этикет. Алисия кожей почувствовала, как его внимательный, цепкий и пугающе оценивающий взгляд медленно скользнул по её глубокому вырезу на розовом платье, ненадолго задержался на непривычном бордовом макияже её глаз и, наконец, остановился на плот-

но сжатых губах. В этом взгляде молодого мужчины не было ни капли юношеского восторга или искренней страсти перед признанной красавицей королевства. Это был холодный, расчётливый взгляд опытного стратега или ювелира, который приехал лично осмотреть редкий, безумно дорогой алмаз, оценивая его чистоту и стоимость перед тем, как забрать в свои руки. Алисия пока не знала, зачем этот опасный человек прибыл к их двору, но её интуиция, обострённая годами выживания среди интриг, забила тревогу.

— Вы сегодня ослепительны, принцесса Алисия, — тихо, почти интимно произнёс Максимилиан Роуз, так, чтобы его низкий, бархатный голос долетел только до её ушей. — Этот нежный цвет платья... и этот поразительно мрачный макияж. Контраст льда и пламени. Вы выглядите как женщина, которая создана для того, чтобы украшать собой самый величественный трон. Рад нашему знакомству.

— Я выгляжу так, как велит мне мой долг и статус, ваша светлость, — ответила она ровно, глядя ему прямо в глаза и не позволяя себе ни единой лишней эмоции. — Добро пожаловать к двору Валуа. Наш замок всегда рад достойным гостям.

Герцог Максимилиан едва заметно, хищно ухмыльнулся тонкими губами, явно довольный её ледяной, безупречной отповедью. В его глазах на мгновение мелькнул опасный азарт. Он медленно отпустил её пальцы и отошёл на отведённое ему почётное место чуть поодаль от трона, а Али-

сия незаметно, судорожно сжала ладонь, пряча её в складках своего пышного розового платья. Внутри неё впервые за долгое время зашевелилось смутное, липкое чувство тревоги. Этот визит молодого герцога Роуза явно не был простой вежливостью, но расспрашивать отца сейчас было невозможно. Королю снова было смертельно скучно. Он лениво зевнул, подперев кулаком тяжёлую голову и махнув рукой начальнику канцелярии, требуя продолжения приёма. Театр фальши, золота и удушающей рутины продолжался в прежнем темпе, и казалось, ничто в этом мире уже не способно разорвать этот мёртвый, застывший порядок вещей.

В этот самый момент тяжёлые двери в самом конце зала распахнулись с оглушительным, яростным грохотом, который заставил гвардейцев мгновенно схватиться за эфесы мечей, а придворных дам — испуганно вскрикнуть. В душную, застывшую тишину тронного зала, чеканя шаг и шутовски высоко, почти издевательски вскидывая колени, бесцеремонно ворвался человек в безумном красно-синем наряде с бубенцами, которые яростно, дребезжаще звенели при каждом его резком движении. На его лице, прямо поверх мертвенно-бледной кожи, горел вызывающе яркий, бордово-фиолетовый макияж в форме острых, идеальных ромбов вокруг глаз, а губы были тронуны зловещим, вызывающим алым цветом. Он остановился у самого подножия помоста, прямо перед застывшей Ледяной принцессой, и вместо положенного рабского поклона резко, дерзко вскинул го-

лову вверх. Его глаза — пугающе живые, тёмные, лишённые малейшего страха и неестественно пронизательные — насквозь прошли Алисию, а губы растянулись в хищной, абсолютно не заискивающей ухмылке трикстера, которая открыто, в лицо насмехалась над всей этой удушающей королевской короной.

Глава 2. Танцуй

Шум тронного зала плавно перевёк в тяжеловесный, парадный гул Большой Галереи, куда королевские церемониймейстеры настойчиво, но плавно увлекли за собой всю разогретую вином и интригами придворную публику. Переход королевского кортежа из одной залы в другую напоминал медленное движение гигантской, пёстрой змеи, чей чешуйчатый хвост состоял из сотен шуршащих подолов, звенящих шпор и приглушённого шёпота. Алисия де Валуа шла в голове этой процессии, на шаг позади своего отца. Тяжёлая юбка её нежно-розового платья при каждом шаге подминала под себя разбросанные по полу лепестки белых роз — свежая прихоть главного устроителя пиров, призванная замаскировать въевшийся в каменные плиты запах сырости старого замка.

Большая Галерея встретила гостей монументальным великолепием и удушающим, почти осязаемым жаром. Вдоль стен тянулись длинные дубовые столы, накрытые тончайшим накрахмаленным льняным полотном, которое из-за обилия серебряной посуды и канделябров казалось ослепи-

тельно белым, почти зеркальным. Воздух здесь был ещё гуще, чем в тронном зале. К ароматам пудры, пота и тяжёлых масел примешался плотный, жирный чад от десятков мясных блюд.

Для Алисии этот пир был продолжением всё той же монотонной, изнуряющей работы. Она заняла своё место на возвышении за королевским столом, по левую руку от отца. Корсет, туго стянутый камеристками ещё на рассвете, теперь казался раскалённым железным обручем, безжалостно сжимающим рёбра. С каждым часом дышать становилось всё труднее, спина ныла от неестественной, струнной прямоты, но маска Ледяной принцессы сидела на её лице как влитая. Бордовая дымка вокруг глаз, выполненная по её утреннему приказу, создавала идеальный барьер — придворные лорды, поднимая кубки в её честь, натывались на этот мрачный, глубокий взгляд и невольно тушевались, заменяя двусмысленные комплименты дежурными поклонами.

Гастрономический гротеск этого вечера вызывал у Алисии лёгкую, тщательно скрываемую тошноту. На огромных серебряных блюдах слуги выносили истинные кулинарные чудовища того времени. Центром стола служили запечённые целиком лебеди, чьи тушки повара умудрились обратно облачить в их собственные белоснежные перья и зафиксировать шеи в неестественно гордых, живых изгибах. Глаза мёртвых птиц были заменены чёрными бусинами. Эта мёртвая, искусственная красота, выставленная напоказ ради за-

бавы пресыщенных лордов, казалась Алисии пугающе похожей на её собственное существование. Чуть поодаль возвышались паштеты, выпеченные в виде неприступных замковых башен с флагами из сусального золота, а из пастей жаренных кабаньих голов струился густой, тёмный ягодный соус, напоминающий запекшуюся кровь.

Королевские пажи беззвучно и непрерывно сновали между столами, меняя перемены блюд с точностью марионеток. Алисия едва прикасалась к еде. Она брала тонкими пальцами крошечный кусочек засахаренной груши или ломала кончиком серебряного ножа корочку миндального пирога, лишь бы создать видимость участия в общей трапезе. Ей было душно. Душно от запахов, от звона кубков, но больше всего — от унылых, выверенных веками светских бесед, которые велись вокруг неё.

— Налог на сукно в южных провинциях в этом году обещает покрыть все расходы на содержание гвардии, Ваше Высочество, — нудно вещал по правую руку престарелый граф Шамбор, причмокивая жирными от гусяного жира губами. — Однако лорды побережья недовольны. Они считают, что корона слишком сильно затягивает на их шеях шёлковый шнур.

— Лорды побережья всегда находят повод для недовольства, граф, — ответила Алисия, даже не повернув к нему головы. Её голос прозвучал как хруст тонкого льда под ногами. — Но они забывают, что шёлковый шнур короны гораз-

до приятнее, чем пеньковая верёвка бунтовщиков. Передайте им это при следующей встрече.

Граф поперхнулся вином, поспешно закивал и уткнулся в свою тарелку. Алисия мысленно вздохнула. Это была игра, правила которой она знала наизусть: улыбнуться одними уголками губ, выдать холодную, политически выверенную фразу, сохранить дистанцию, не позволить ни единому человеку заглянуть глубже её бордового макияжа.

Когда за столами раздались первые тяжёлые вздохи пресыщения, а король Филипп лениво махнул рукой, приказывая убрать остатки пиршества, церемониймейстер трижды ударил своим позолоченным жезлом о мраморный пол. Музыканты на высоких хорах, до этого момента игравшие негромкие, усыпляющие лютневые переборы, синхронно подняли свои инструменты. Зал приготовился к балу.

Объявили павану. Этот танец был излюбленным ритуалом двора Валуа именно за свою монументальную, леденящую строгость. В нём не было места весёлым прыжкам или фривольным поворотам — партнёры двигались по залу с торжественностью церковной процессии, едва касаясь друг друга самыми кончиками пальцев в строго определённые моменты, но обязаны были вести непрерывный, томительный визуальный контакт. Танец-дуэль, танец-осмотр.

Толпа придворных расступилась, освобождая центр Галереи, и Алисия увидела, как к её месту направляется герцог Максимилиан Роуз. Для бала он сменил свой тяжёлый пар-

човый камзол на более лёгкий, но не менее роскошный наряд цвета спелой, почти чёрной вишни. Тончайшее шёлковое шитьё на его воротнике подчеркивало резкую, хищную линию подбородка и идеальную бледность кожи. Он двигался с той абсолютной, кошачьей уверенностью, которая выдавала в нём человека, привыкшего всегда брать то, что он наметил.

— Позвольте ли вы мне совершить этот круг, принцесса? — Максимильтян остановился перед ней, изящно отставив ногу и застывая в безупречном бальном поклоне. Его тёмные глаза смотрели на неё с явным, нескрываемым вызовом.

Алисия молча поднялась со своего места. Её розовый шлейф шуршал по полу, пока она спускалась к нему. Она вложила свои пальцы в его ладонь — всё такую же сухую и прохладную, как и прежде. Напряжение между ними вспыхнуло мгновенно, стоило им занять свои позиции в первой паре танцующих.

Музыка зазвучала — тягучая, величественная, наполненная низкими вздохами виол и мерным, как удары сердца, стуком барабана. Они начали движение. Шаг вперёд, скольжение, медленный разворот корпуса. Максимильтян держал дистанцию, предписанную этикетом, но его взгляд буквально прожигал её маску насквозь.

— Ваш двор чрезвычайно консервативен, Алисия, — тихо произнёс герцог, когда они сошлись в первом близком пассаже, едва соприкасаясь пальцами рук. — Всё так пра-

вильно, так чинно. Словно я попал не на бал живых людей, а на выставку очень дорогих, искусно вырезанных из кости статуй.

— Традиции — это то, на чём держится престол Валуа, ваша светлость, — ответила Алисия, плавно отступая назад в такт музыке. Её серые глаза оставались неподвижными и холодными. — Стабильность часто путают со скукой те, кто привык к хаосу в собственных землях.

— О, хаос имеет свои преимущества, поверьте, — Максимилиан сделал шаг вперёд, вновь сближаясь с ней. Его голос звучал вкрадчиво, бархатно, но в нём отчётливо слышался металл. — В хаосе легче заметить то, что действительно имеет ценность. Ваши земли прекрасны, но они застыли. Им нужен свежий импульс. Сильная, молодая рука, способная встряхнуть этот склеп. Например, союз с домом Роуз мог бы открыть для вашей короны весьма интересные... перспективы. Вы так не считаете?

Это был прямой, агрессивный выпад, завернутый в бальную обертку. Алисия внутренне напряглась, чувствуя, как под розовым шёлком сильнее забилося сердце, но её лицо не выразило ничего, кроме вежливого внимания. Она поняла, что этот тридцатилетний герцог приехал сюда не просто так. Он прощупывал почву, оценивал её как возможный трофей, как ключ к влиянию на её слабеющего отца. Внутри неё поднялась волна глухого, яростного раздражения от его самоуверенности.

— Перспективы короны Валуа определяются исключительно волей моего отца и государственным советом, герцог, — отчеканила она, совершая медленный поворот и разрывая контакт рук. — А иностранным гостям обычно рекомендуют наслаждаться вином и танцами, а не утруждать себя мыслями о судьбе наших провинций.

Максимильян лишь тише и опаснее ухмыльнулся, ни капли не задетый её отповедью. Напротив, её ледяное сопротивление, казалось, только разжигало его охотничий азарт.

Танец продолжался, увлекая их по сложному кругу Большой Галереи. И именно в эти минуты, когда Алисия пыталась удержать оборону против навязчивого, липкого внимания Максимильяна, она начала кожей ощущать чужое, невербальное присутствие.

Шут. Он не устраивал больше громких представлений, как в тронном зале. Король Филипп, уставший от шума, приказал ему просто «находиться в зале и развлекать лордов по мере надобности». И шут развлекал. Он перемещался между гостями беззвучно, словно яркая, красно-синяя тень, скользкая в полумраке за массивными каменными колоннами.

Алисия то и дело натыкалась на него взглядом во время поворотов паваны. Контакт между ними был коротким, мимолётным, но от этого ещё более томительным и острым. Трикстер не корчил гримасы, его лицо теперь было почти спокойным, если не считать той самой едва заметной, понимающей ухмылки, которая предназначалась исключительно

ей одной. В его глазах, подчёркнутых резким бордово-фиолетовым макияжем, не было того глупого, рабского пиетета, которым брызгали все окружающие. Он смотрел на неё как равный на равную, как единственный зрителю, который понимает всю фальшь происходящего спектакля.

В какой-то момент музыка замедлилась, ведя танцующих по внешнему радиусу, вплотную к галерее гостей. Максимилиан на секунду отпустил её руку, совершая положенный по фигуре танца глубокий поклон перед другой парой. Алисия сделала шаг в сторону, и в этот микроскопический промежуток времени её розовое платье почти коснулось тёмной ниши между двумя колоннами.

Шут стоял именно там. Он лениво прислонился спиной к холодному камню, скрестив руки на груди. Все бубенцы на его костюме были намертво зажаты между длинными пальцами — он удерживал их с невероятной, ювелирной точностью, чтобы не издать ни единого лишнего звука.

Когда Алисия оказалась в шаге от него, Шут сделал одно короткое, мимолётное движение. Он не прикоснулся к ней, нет. Контакт был исключительно бесконтактным, на грани восприятия. Он слегка повернул голову, в точности пародируя надменную, хищную осанку Максимилиана Роуза, и беззвучно, одними губами, повторил последнюю пафосную фразу герцога про «перспективы союза». При этом его брови шутовски взлетели вверх, а в глазах полыхнуло такое искреннее, искрящееся веселье трикстера, что весь пафос Мак-

симильяна в одно мгновение рассыпался в прах.

В эту же секунду шут на долю мгновения разжал пальцы. Из темноты ниши раздался один-единственный, короткий, приглушённый хрустальный звон бубенца. *Дзынь*.

Этот звук прозвучал для Алисии как удар колокола. От неожиданности и этого внезапного укола живой, настоящей дерзости среди мёртвого этикета она едва не сбилась с шага. Нога в туфле чуть скользнула по мрамору, но многолетняя выучка спасла её — она удержала равновесие, плавно завершив фигуру танца и снова вложив пальцы в протянутую ладонь Максимильяна. Герцог ничего не заметил, продолжая свою высокомерную речь, но внутри Алисии всё изменилось. Лёд, который она так тщательно выстраивала всё утро, дал незаметную для двора, но глубокую трещину. В её груди, сдавленной корсетом, внезапно вспыхнуло жаркое, бунтующее пламя. Ей стоило огромных усилий не обернуться назад, на ту тёмную нишу между колоннами.

Павана наконец завершилась финальным аккордом виол. Максимильян Роуз с изяществом истинного придворного хищника поднёс её руку к своим губам, оставляя на коже ощущение липкого, холодного плена.

— Благодарю за танец, принцесса. Надеюсь, этот вечер — лишь начало нашего долгого и взаимного... понимания, — тихо произнёс он, глядя на неё долгим, обещающим взглядом.

— Доброй ночи, ваша светлость, — ответила она, забирая

свою руку с такой поспешностью, какую только позволяли приличия.

Воздух в Большой Галерее к этому моменту стал совершенно невыносимым. Сотни горящих свечей, угарный газ, запах жирной пищи, пота и тяжёлой пудры слились в единую удушающую волну, которая подкатила к самому горлу. Алисия поняла, что если она останется здесь ещё хотя бы на пять минут, её лёгкие, зажатые китовым усом, просто откажутся работать. Маска идеальной куклы начала физически давить на неё, вызывая головокружение.

Не привлекая внимания отца, который к этому времени уже откровенно дремал на своём месте, и ловко ускользнув от назойливых фрейлин, Алисия быстрыми, бесшумными шагами направилась к неприметной боковой двери, скрытой за гобеленом в углу галереи. Эта дверь вела в обход главных залов — в сторону пустынных, тёмных коридоров восточного крыла, где располагались её личные покои.

Стоило тяжёлой створке захлопнуться за её спиной, отсекая оглушительный гул пира, как Алисия оказалась в глубоком, прохладном полумраке коридора. Здесь не было свечей — лишь редкие лунные пятна из высоких окон ложились на каменный пол. Воздух тут был чистым, пахнущим ночной прохладой и старым камнем.

Принцесса остановилась, прижавшись спиной к прохладной стене, и сделала первый за весь вечер глубокий, судорожный вдох. Корсет больно врезался в рёбра, но этот чистый

воздух показался ей самым сладким вином на свете. Она закрыла глаза, позволяя себе на мгновение сбросить маску Ледяной принцессы. Руки дрожали, тиара казалась неподъёмной железной короной, а бордовый макияж на лице горел от голоском чужого, фальшивого праздника. Ей хотелось только одного — дойти до своей постели, сорвать это розовое платье и забыться глубоким сном без сновидений.

Она оттолкнулась от стены и медленно пошла по тёмному коридору, шурша юбками в абсолютной, звенящей тишине замка.

И именно в этот момент, когда она отошла от двери на пару десятков шагов, из глубокой темноты одного из поворотов коридора, далеко позади неё, раздался едва уловимый, тихий и насмешливый звук.

Дзынь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.